

тиками и их незаконному обороту на 2005–2009 годы», а также мероприятия по пропаганде вреда наркотиков в СМИ. Большое значение имеют предусмотренные в бюджете «Мероприятия по патриотическому воспитанию граждан России», мероприятия по оздоровительной кампании детей, федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями» (2007–2011 гг.), программы по

поддержке санаториев для детей и подростков, а также Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 гг.

В то же время в бюджете нет общей программы противодействия преступности в стране и нет федеральной программы по предупреждению правонарушений среди подростков и молодежи.

Уголовная ответственность и наказание: соотношение базовых категорий уголовного права

М.Н. КАПЛИН – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук

В предлагаемой статье анализируется сущность категорий «уголовная ответственность» и «наказание». Рассматривая историю становления понятия уголовной ответственности в отечественном уголовном законодательстве, автор приходит к выводу о нецелесообразности разграничения уголовной ответственности и наказания, поскольку в правовом значении они являются равнозначными.

Ключевые слова: уголовная ответственность; наказание; обязанность нести ответственность за преступление; уголовное правоотношение; меры уголовно-правового характера.

Тезис о том, что уголовная ответственность и наказание – понятия близкородственные, в уголовно-правовой науке практически никем не оспаривается. Дискуссионным является характер соотношения этих двух базовых категорий соответствующей отрасли. С позиций формальной логики возможны три варианта такого родства: понятия могут совпадать по объему, могут пересекаться или быть смежными.

Изначально в теории российского уголовного права проблемы специфического понятия уголовной ответственности не существовало. Как отмечал Л.В. Багрий-Шахматов, «ни употреблявшие этот термин Н.С. Таганцев, С.В. Познышев, ни создатели “Уложения о наказаниях уголовных и исправительных” 1885 г. (§ 15 ст. 1; § 20) не проводили различия между понятиями уголовной ответственности и наказания»¹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в советской науке уголовного права в период действия УК РСФСР 1922 и 1926 гг. В своем исследовании В.И. Курляндский пришел к выводу, что в учебниках по Общей части уголовного права 1943, 1959 и 1960 гг. нет четкого разграничения между вышеуказанными понятиями².

Однако с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г., в которых законодатель разграничил институты освобождения от

уголовной ответственности и освобождения от наказания, начался отход от прежних представлений. Например, М.Д. Шаргородский, изначально понимавший ответственность как меру государственного принуждения³, под влиянием критики пришел к выводу, что «нельзя ставить знак равенства между юридической ответственностью и самими мерами государственного принуждения»⁴. Юридическая наука попыталась объяснить это расхождение, в результате чего появился целый спектр точек зрения.

Наиболее широкое признание в теории получило понимание ответственности как правовой обязанности. В общем виде данная концепция выглядит следующим образом: уголовная ответственность – это «обязанность отвечать за... преступление»⁵. Признав данное положение в качестве ключевого, его сторонники расходятся во взглядах относительно содержания и момента возникновения данной обязанности. Одни авторы связывали ее с действием исключительно уголовного закона. Так, Я.М. Брайнин признавал ответственностью «основанную на нормах советского уголовного права обязанность лица, совершившего преступление, подлежать действию закона»⁶. По мнению М.Д. Шаргородского, обязанность преступника претерпеть наказание составляет содержание ответственности⁷. А.А. Пионтковский считал, что ответственность

– это обязанность нести за совершенное преступление определенный личный или имущественный вред, указанный в санкции статьи уголовного закона⁸. Более широкое понимание было предложено М.П. Карпушиным и В.И. Курляндским. По их мнению, обязанность «подвергнуться правоограничениям, вытекающим из процессуального порядка, быть осужденным и понести соответствующее наказание»⁹ составляет содержание уголовной ответственности. Расходились данные авторы и в вопросе о начальном моменте ответственности¹⁰.

Поскольку сторонники концепции «обязанности» в первую очередь ставили перед собой цель найти объяснение законодательному разграничению уголовной ответственности и наказания, их выводы, как представляется, носят искусственный характер. Косвенно это подтверждается допускаемыми данными авторами противоречивыми утверждениями.

Неподлежит сомнению, что лицо, совершившее преступление, с определенного момента должно подвергнуться наказанию. Однако, как справедливо заметил Н.А. Огурцов, «это совсем не означает, что оно несет уголовную ответственность»¹¹. В противном случае виновный будет считаться «отвечающим за преступление» и в ситуации, когда его личность даже не установлена органами следствия. Чтобы объяснить этот парадокс, одни авторы вынуждены признать началом ответственности привлечение в качестве обвиняемого, как это делал Я.М. Брайнин, другие – выделять ответственность нереализованную (до установления лица) и реализованную (после его установления). Однако, как верно указывал Н.А. Огурцов, «уголовная ответственность нереализованная не есть и наличная ответственность, это состояние безответственности лица, совершившего преступление»¹². Лицо отвечает за преступление лишь тогда, когда подвергается мерам принуждения.

Рассматриваемая теория, на наш взгляд, оказалась не в состоянии объяснить, почему законодатель разграничивает уголовную ответственность и наказание. С точки зрения этой концепции, освобождение от ответственности должно трактоваться как разрешение не выполнять обязанность подвергнуться наказанию. Однако очевидно, что лицо, которому назначено определенное наказание, также несет какую-то обязанность, а именно: отбыть данное наказание. Поэтому освобождение от наказания тоже является «разрешением не выполнять обязанность подвергнуться наказанию». Таким образом, ответственность и наказание все равно выступают в качестве тождественных понятий.

Отмеченные недостатки, а также ряд своих собственных имеет концепция ответственности – правоотношения. Констатация факта, что «лицо имеет не только обязанности, но и гарантированные законом права, которым корреспондируют определенные обязанности государства и его карательных органов»¹³, привела некоторых исследователей к такому пониманию уголовной ответственности.

В настоящее время практически никто не оспаривает факта существования уголовно-правовых отношений. Как известно, любое общественное отношение включает в свою структуру участников (субъектов), предмет (то, по поводу чего оно возникло), юридическую (права и обязанности) и фактическую (реальное поведение людей) связи. Уголовная ответственность как последствие совершения преступления входит в состав уголовного правоотношения в качестве его предмета. С нашей точки зрения, является совершенно непонятным, зачем нужно отождествлять часть и целое. В структуру уголовной ответственности тогда будут попадать не только права преступника, но и он сам, а также государство. Кроме того, неясно, как лицо может нести правоотношение, подвергаться ему, освобождаться от него?

Искусственный характер рассматриваемой концепции проявляется в некоторых суждениях и высказываниях авторов. Подводя итог своим рассуждениям, Л.В. Багрий-Шахматов заявляет, что: а) по своему характеру уголовная ответственность является одним «из видов государственного принуждения... Свое выражение... находит в различных мерах уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, а порою даже административного принуждения»; б) «по своей сущности... является совокупностью определенных общественных отношений»; в) «по форме уголовная ответственность выражается в особом порядке ее реализации, установленном нормами... уголовно-процессуальной (судебный порядок), исправительно-трудовой, административной и военно-административной (административный порядок) правовых отраслей»¹⁴. Руководствуясь такими указаниями, очень сложно понять, что же такое ответственность на самом деле: мера принуждения, правовое отношение или процедура?

Более логичными представляются позиции, высказанные Н.А. Огурцовым и А.И. Санталовым. Справедливо отмечая недостатки концепций «ответственность – обязанность» и «ответственность – правоотношение», Н.А. Огурцов определил ответственность как «бремя принудительно-воспитательных мер, фактически возлагаемое органами социалистического правосудия на лицо, совершившее преступление – преступника»¹⁵, А.И. Санталов – как «вынужденное претерпевание виновным лицом последствий преступления в форме осуждения (государственное порицание) и принуждения преступника к этому уполномоченными государственными органами»¹⁶.

Таким образом, теория уголовного права 1960–1980-х гг. оказалась не в состоянии предложить окончательное определение уголовной ответственности, отличное от классического отождествления ее с наказанием. Указанная концепция, на наш взгляд, имеет несомненное достоинство: подавляющее большинство специалистов признают, что наказание является хотя бы формой реализации, этапом или частью уголовной ответственности. Иными словами,

научное сообщество частично принимает ее основную постулат.

К числу недостатков данной теории относят ее внешнее противоречие уголовному закону, который:

1) разграничивает институты освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания;

2) предусматривает не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Следует заметить, что детально анализируя употребление в УК РФ термина «уголовная ответственность», встречающегося там около ста раз, мы ранее приходили к выводу о синонимичности рассматриваемых понятий¹⁷. Замена в большинстве уголовно-правовых норм «ответственности» «наказанием» (разумеется, с учетом того, что эти существенные относятся к разным родам) не влечет изменения смысла данных предписаний.

Различие институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания, на наш взгляд, носит чисто процессуальный характер. Вопрос лишь в том, когда это происходит: до вынесения приговора суда, либо одновременно с ним, либо после. Отсутствие различий в материально-правовой природе рассматриваемых институтов проявляется в существовании таких «сквозных» оснований освобождения, как амнистия (ст. 84 УК РФ), а также в возможности законодателя свободно перенести нормы об освобождении из одной главы в другую (как это произошло применительно к изменению обстановки в 2003 г.). Кроме того, сам правотворец иногда не видит различий между рассматриваемыми феноменами, в частности, признавая психическое расстройство, наступившее после совершения лицом преступления, основанием освобождения не от уголовной ответственности, а от наказания (ч. 1 ст. 81 УК РФ).

С точки зрения уголовного материального права, и в том и в другом случае лицо освобождается от возникшей в момент совершения преступления обязанности подвергнуться наказанию, то есть освобождается от него. Разницу можно увидеть лишь в том, что при освобождении от уголовной ответственности грозящее наказание абстрактно, оно может быть любым в пределах санкции уголовно-правовой нормы, а при освобождении лица от наказания данная мера уже назначена в конкретном виде, сроке или размере.

Поскольку понятие «ответственность» с позиций формальной логики является абстрактным, а «наказание» – конкретным¹⁸, законодатель обоснованно употребляет первый термин в значении относительно определенной санкции за совершение преступления, а второй – в значении конкретной меры принуждения. Таким образом, разграничение законодателем понятий «наказание» и «ответственность» не является аргументом против признания их тождественными явлениями.

Что касается мер уголовно-правового характера, то закон их понятие не определяет. Исходя из нового названия VI раздела УК РФ, к их числу однозначно относятся принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества. Кроме того, на роль таких мер могут претендовать принудительные меры воспитательного воздействия, освобождение от уголовной ответственности, условное осуждение, условно-досрочное и другие виды освобождения от наказания¹⁹, а также судимость.

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания понятия «меры уголовно-правового характера», отметим, что ни одно из перечисленных явлений не может признаваться формой или видом уголовной ответственности по следующим основаниям:

1) принудительные меры медицинского характера применяются к лицам, которые либо не подлежат уголовной ответственности (п. «а» ч. 1 ст. 97, ст. 21 УК РФ), либо могут подлежать уголовной ответственности и наказанию лишь после выздоровления (п. «б» ч. 1 ст. 97, ч. 4 ст. 81 УК РФ), либо подлежат и уголовной ответственности, и принудительному лечению (п. «в» ч. 1 ст. 97, ст. 22 УК РФ);

2) принудительные меры воспитательного воздействия применяются к лицу, освобожденному от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 90 УК РФ);

3) освобождение от уголовной ответственности и наказания не может быть формой ее реализации, поскольку является не негативным, а благоприятным последствием для виновного;

4) судимость является юридическим фактом, «сама по себе взятая отдельно она не является уголовно-правовой обязанностью; не влечет никаких уголовно-правовых последствий»²⁰.

Таким образом, уголовная ответственность и наказание выступают в качестве тождественных понятий, а саму уголовную ответственность можно определить как *предусмотренное уголовным законом последствие совершения преступления в виде наказания*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 18.

² См.: Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965. С. 21.

³ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 318.

⁴ Курс советского уголовного права. Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 217–218.

⁵ Курляндский В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. С. 20.

⁶ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 25.

⁷ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. С. 222.

⁸ См.: Курс советского уголовного права: В 6 т. / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. III. С. 7.

⁹ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 39.

¹⁰ См., напр.: Курс советского уголовного права. Часть Общая / Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. Т. 1. С. 237; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. С. 27–28.

¹¹ Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в уголовном праве. Рязань, 1975. С. 157.

¹² Там же. С. 159.

¹³ Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 27–28.

¹⁵ Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в уголовном праве. С. 177.

¹⁶ Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 18.

¹⁷ См.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответст-

венности за преступления против жизни и здоровья: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 11–22.

¹⁸ См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учеб. для юрид. вузов. 5-е изд. М., 1999. С. 37.

¹⁹ См., напр.: Звечаровский И. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 36–39.

²⁰ Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н. О понятии и содержании уголовной ответственности // Правоведение. 1976. № 5. С. 47. Следует заметить, что С.С. Алексеев по одному из оснований подразделяет юридические факты на факты: 1) однократного и 2) непрерывного действия (состояния). Именно к разряду последних и следует относить судимость (см.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. II. С. 177).

Ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

А.П. КУЗНЕЦОВ – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института ФСБ России (Н. Новгород), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

Статья посвящена характеристике состава преступления в виде дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Автор рассматривает элементы данного состава преступления, его квалифицирующие признаки, а также ответственность по уголовному праву России. Комментируя положения ст. 321 УК РФ, автор опирается на действующее уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: дезорганизация деятельности; исправительные учреждения; учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества; состав преступления; ответственность.

Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается в том, что оно подрывает основы системы управления, дезорганизует деятельность уголовно-исполнительных органов, причиняет вред как сотрудникам этих учреждений, так и осужденным. Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность уголовно-исполнительной системы, дополнительным – жизнь и здоровье сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, либо осужденных.

В уголовно-правовой литературе высказываются различные мнения в отношении непосредственного объекта анализируемого состава: это общественные отношения, складывающиеся в сфере нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества¹; нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также здоровье и неприкосновенность лиц, указанных в ч. 1 и 2 ст. 321 УК РФ²; нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от об-

щества³; законная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества – мест лишения свободы и содержание под стражей, то есть их нормальное функционирование, а также безопасность сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей, лиц, осужденных к такому отбыванию лишения свободы вступившим в законную силу приговором суда⁴. Одновременно с этим вызывает резкую критику со стороны ученых и название самой статьи «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Так, А.И. Бойко считает, что на сегодняшний день не существует наказаний с элементами изоляции осужденных от общества, а следовательно, не может быть и «учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», поскольку после упразднения в конце XIX в. филаделфийской и оборонской системы одиночного заключения (США), абсолютно исключая контакты лишенных свободы лиц даже с тюремной стражей, юрист и законодатель вправе говорить лишь о наказаниях (и пенитенциарных учреждениях), связанных «с изоляцией